

Письма из России

Напечатанные здесь письма из России написаны разными лицами и в разное время. Церковная жизнь в России и многосложна, и противоречива. Часто ее события долго не поддаются нашим объяснениям и правильной оценке. Иногда бывает трудно разобраться в них и лицам, живущим внутри России. Об этом пишут многие корреспонденты оттуда. Но тем ценнее для нас живые и непосредственные наблюдения и впечатления, хотя и редко доходящие до нас из России. Даже свидетельства, относящиеся к прошлым годам, не теряют для нас своей свежести и интереса.

В своей жизни я ощущаю два центра, которые осмысливают ее и создают то, что жизнь внешняя и мой внутренний мир не уносятся потоком дней, а получают особое утверждение — Религия и Семья. Религия в смысле признания великого мирового Центра, открывающегося в великих религиях земли, и Семья, как долг, служение и великая ценность, через которую мы приобретаем первое бессмертие и связь с человечеством будущего, где пребываем в гармонии со всею живою природою.

Понятно,, как тяжело сейчас внешнее утверждение этих основ жизни. Наша современность, да и современность дореволюционная, вся шла к разрушению их. Теперешняя атеистическая пропаганда государства весьма облегчена многолетней работой, подготовкой в этом отношении, каковую проделали у нас атеистически-настроенная интеллигентская среда, ее печать и особенно иерархи-стяжатели. Ряды верующих определенно редуют. Широкие храмы стали велики и неудобны для малой горсти молящихся в обычные воскресные дни.

Многие ушли... Куда? Почему? Надолго ли?

Пришли ли дни, когда веры стало мало? Когда знание сменяет ее совсем? Должны ли вновь придти в храм чада, которым доступен будет духовный опыт, которые будут поклоняться по вере, по внутреннему сознанию, непоколебимому перед относительным знанием ума.

Дни значительные. Дни поворотов крутых, сотрясающих...

В молодежи к религии уничтожающая усмешка. Совершенно невозможно, часто вредно и опасно упоминать о Боге.

Беседовал с учителями, — крестить детишек, иметь иконы в квартире бояться. Не только ходить в Церковь, но и быть знакомым со священником совершенно небезопасно. «Сократят»... Почти тоже, хотя и диаметрально противоположное было при власти царской бюрократии.

Какovy гримасы, отрыжки. Мы искупаем грехи прошлого.

Пионерские и комсомольские организации, во-первых, разрушают авторитеты, которые так неумело, грубо, отпугивающе утверждала семья. Кто же из отцов в русской семье воспитывал? — Больше пугали. И вот эти авторитеты без всякого труда уничтожаются.

«Женотдел наша мамаша,

Эркапе папаша нам», —

поют теперь пионеры.

Потом юные ленинцы узнают про страшных кровопийцев-буржуев, которых надо истреблять, потом, что нет Бога.

Вся эта отрицательная работа проделывается над 10-летними, — все лица их уже плоски, как тарелка, без тайны, без волшебной сказки. Хотя еще рано говорить, что получится.

* * *

Письмо от 5-10 1926.

По стране сейчас прокатывается волна позитивизма. И раньше многие в народе были позитивистами-материалистами; но больше слепо, органически, бессознательно. Теперь же предлагается, рекомендуется, а часто и предписывается определенное теоретическое обоснование такого отношения к миру.

И молодежь легко воспринимает примитивное миропонимание позитивизма.

Лишь души, не только верующие, но и знающие, которым был доступен религиозный мистический опыт, не принимают материализма. Таковых мало, они в разъединении, в незнании, без пастырей.

Вера, как «утверждение вещей невидимых, как в видимых» и т.д. (Катехизис), вера голая, не утверждаемая внутренним сверхчувственным знанием каждого отдельного человека, отмирает. Многие образы, символы исторического христианства, имевшие служебное популяризирующее значение в прошлом, нуждаются в отделении от сердцевины религиозной истины.

А делателей нет. «Молитесь, чтобы Господин жатвы послал делателей на жатву свою».

В воскресенье иду в церковь, а новобранцы на улицах, на занятиях и распевают: «Не надо нам монахов, дави, дави попов, мы на небо залезем, разгоним сонм Богов», — это припев, а слова самые гадкие, подлые, но очевидно так должно быть.

Материализм везде всюду, — опротивеет и даст реакцию.

* * *

Письмо 15-1 1927

Православная Церковь далека от каких-либо политических уклонов, и если этим грешит, так синодально-обновленческая, которая на политическом коньке старается выехать. Обновленческая партия, секта, — как ее и назвать, — не знаешь, — скорее партия, так как секта, раскол, создается на почве известной идеологией, а обновленчество образуется на почве материальных соображений. Теперь оно не развивается, а падает, их материальная база слабеет.

В Петрограде, так же, как и везде, церкви, взятые ими, или закрываются, или возвращаются православным.

Материальное положение православной церкви так же не легко. Сами церкви еще поддерживаются хорошо. Хотя редко, кое-где возводятся даже

новые, небольшие деревянные. Главное же — мало средств на создание богословских школ.

Своей печати, изданий духовных книг, понятно, нет, так как нельзя. Живет духовенство разобщено, собраний и съездов не может быть. В своей массе оно имеет и людей, служащих по привычке, но много есть и по идее, несущих подвиг.

Священник православной Церкви в современных условиях есть каждый в большей или меньшей степени подвижник.

А подвиг возвышает человека, и православное духовенство не падает, а подымается духовно.

Отпадение от Церкви народа, можно считать, в городах, закончилось, и намечается обратная тяга в Церковь.

В деревнях этот процесс пестрый: там, пожалуй, процесс отпадения более затяжной. Каждый в свое время переживает «критический возраст»...

Святой праздник Рождества Христова провел в кругу семьи, а все службы простоял в близком душе храме, где служит редкий человек и выдающийся священник. Он — академик, 38 лет и весь предан своему служению. В приходе открыты особый богословские курсы, каковые ведутся им самим.

24-2 была отслужена Уставная Всенощная по чину древних монастырских. Продолжалось от 6 ч. вечера до 4 ч. утра. Молящихся был полон храм. Сначала все не вмещались. Все стремление направлено к тому, чтобы создать сердечность, строгость и вдохновенность служб. Вечерни и утрени поет весь народ.

* * *

Из письма от 17-4

Богословские курсы при Церкви закрыты. Разбились по группам 3-5 человек и ведутся занятия по домам.

* * *

Из письма от 28-4

Я еще живу и работаю для цели наиболее интимной, но и наиболее высокой. Эта цель только изредка мною конкретизируется и никому еще не говорится. Она в области религиозной деятельности. Мне хочется, — и это желание, — лучший глас моей души, — сказать, повторять и нести вечные глаголы Истины людям.

Я, Коля, стал бы священнослужителем.

Ты заметил здесь ту частицу «бы». Я хочу раскрыть тебе сегодня и ее.

Для этого, видишь ли, нужна подготовка, подготовка книжная также.

Теперь я каждый час досуга посвящаю изучению Истин православия, работ наших великих учителей Церкви. И часто просиживаю над этим целыми ночами.

* * *

Из письма из провинции

Перед Рождеством к нам приезжал глава обновленчества Введенский. Местные обновленческие церкви, их две в нашем городе, не имея прихожан, просили поддержать их предприятие, вот он и приехал. Приехал — и общее мнение — только повредил и уничтожил возможный дальнейший рост обновленчества. Он молодой бритый в шелковой рясе артист, митинговый оратор. Этот «митрополит», как он называется, был бы смешен и ничтожен в своем словесном величии, если бы не памятование об его борьбе с гонимым православным духовенством.

1927

* * *

Письмо из станицы

В деревне многие говорят: «веры нет, молодежь очень развращена. Церкви пусты». Но надо сказать, что и духовенство очень неподходящее для

теперешнего времени. Священники редко бывают настоящие; все больше смотрят, как найти средства просуществовать. Но, как только священник чем-нибудь хорошим станет выделяться, его ссылают под разными предлогами. В городах считаются с рабочими, которые отстаивают свои церкви и священников, а на крестьян не обращают внимания. Надо сказать, где священники настоящие, тем и народу больше, хотя в общем вера ушла куда-то вглубь. Народ обвиняют, что он все святое поправил — не правда. Хулиганства, озорничества в нас много, но святое для нас свято, только эта святая Русь куда-то спряталась вглубь, ее так не заметишь, иногда только в отдельных личностях можно ее увидеть.

Правда, народ отдал своих святых, позволили разорить свои монастыри, даже те, которые он особенно чтил, но в этом есть что-то другое, особое. У него в вопросах веры какое-то пассивное упорство, сопротивление, которое никакая сила не сможет сломить. Этим летом ездил я в Саров и много бродил там вместе с народом. Прилив богомольцев был необычайный.

Народ точно чуял, что это его последнее паломничество к преподобному (Саровская обитель ныне разгромлена коммунистами. Прим. ред.). Паломники главным образом были дальние саратовские, рязанские. Было хорошо. Особенно у мордвы такая вера, что холодно делается, когда видишь их идущими толпою с пением тропаря Серафиму или Достойно. Чувствуешь, что никакая сила их не может остановить. Там в сотнях и тысячах я видел веру могучую, чистую, русскую. На всю зиму я получил какие-то новые силы.

(1927)

* * *

(Пасха 1928)

Если великопостные подвиги священников многие, в переносном, конечно, смысле, называют «поповскими жнивами», то жнивы мои две уже две недели как окончены, и я отдыхаю.

Говеющих у меня было 2300 обоего пола, а не исповедовавшихся — 100 душ, в том числе 7 женщин и около 40 учителей местных трудшкол. Разница, стало быть, с прошлым годом очень значительная, ибо в прошлом году не бывших у исповеди было всего 35 душ. У соседа в городке не исповедовалось, говорят, около 300 человек, а у другого — 350. Все это, очевидно, свидетельствует об успехе антирелигиозной пропаганды, которая, как известно, проводится у нас усиленно и планомерно. Правда, последняя не пользуется нигде народной симпатией и в некоторых местах стала охладевать и даже охладела настолько, что, например, «Безбожник» (есть такой журнал) выпустил свое энергичное воззвание к проповедникам атеизма в статье, озаглавленной «Нам нужно подтянуться», но собственно у нас она не охладевает.

Впрочем, у нас она не достигает желанной цели, ибо этих сто не исповедовавшихся она не сделала атеистами, а только теплохладными к вере, предназначенными, по выражению Апокалипсиса, к изbleванию (Ап. 3.15.16). Я их называю обыкновенно «байдужниками», но и эти байдужники все равно носят в душе так называемую искру Божию, какая у них нередко разгорается в яркое пламя. Например, известны вам П. П., не заглядывавший почти никогда в церковь и не исповедовавшийся три года подряд, в сем году был на исповеди, и на мой первый вопрос: «Ну шож, братику, затужився таки за Христом» ответил целым потоком безмолвных слез. Очень оригинальное он дал объяснение своему поступку. Вам это пересказывать неудобно.

Достаточно только знать, что все эти, так называемые, у нас «невиры» на самом деле, не есть невиры, а только байдужники, у нас и то лишь «тимчасови». Они в силу какой-то странной логики или по каким-то ходячим местным соображениям убеждены, что не веровать и веровать можно, так сказать, по заказу... только при известных условиях. Смешно, право, и грустно.

Страсти Христовы в этом году были для меня и для многих какие-то особенные и исключительные. Для меня лично будет вечно памятна эта ночь

Великого Четверга тем именно, что в моем сознании никогда так живо и ярко не обрисовывалась картина первых веков христианства, как в эту достопамятную ночь. Я восхищался положительно всем, что только подлежало моему наблюдению. И обстановкой (горели все четыре паникадила, голгофа украшена целой дюжиной венков и гирлянд из искусственных цветов, траурные ризы и пр.), и прекрасным душевным пением некоторых песнопений, в особенности пением тропаря «Егда славнии», «Слава страстем» и «Разбойника», и набожным настроением молящихся, державших в руках самодельные, проливающие слезы, свечи, и Петром, звонившим как-то особенно впопад. Словом, всем и даже самим собой. А главное — я восторгался великим многолюдием.

Я нисколько не преувеличу, если скажу, что никогда и ни в один праздник наша церковь и наш погост не вмещали в себе такой массы верующих, как в эту знаменательную ночь.

Правда, в этом году я, при исповеди, назначал говельщикам в качестве епитимии обязательно посещение Страстей Христовых, чем вероятно и объясняется такое многолюдие. Да и погода при том была тихая, теплая и ясная.

Совершенную противоположность четвергу представлял собою Великий Пяток. Я, по обыкновению, в этот день начинаю часы в первом или втором часу после полудня. Но к этому времени полил такой обильный дождь, да еще холодный и с ветром, что церковь была почти пустая, даже полного хора не было. Пришлось обносить плащаницу при дожде. Пришлось также и домой идти по грязи. Казалось, погода испортилась надолго, но к утру субботы, сверх всякого ожидания, небо прояснилось, взошло лучезарное, без всякого даже признака облаков, и к полудню высушило всю грязь. В субботу я вышел из церкви ровно в 2 часа. Вышел бы, по обыкновению, попозже, но мои церковники запротестовали, что не управятся с мытьем полов и другими работами, и просили кончить литургию пораньше. Да и причастники, я думаю, были рады этому.

Вот настает и вечер Субботы, полный затаенного ожидания. Иду в церковь одевать престол. Застаю в церкви все в порядке: полы вымыты, солея и алтарь устланы чистыми каймами, в паникадилах уже водружены белые восковые свечи, сельские девушки под руководством сестер доканчивают свою работу по украшению поместных икон чистыми полотенцами и цветами, посреди церкви безмолвно покоится в таинственном сне великий Мертвец. Возле него уже стоит небольшая кучка, одетых по-праздничному людей всякого чина и возраста, преимущественно, подростков. Эта кучка, не знающая никакого устава, кажется, выполняет осязательным образом предписание церковного устава: «да молчит всяка плоть человекя».

Даю возглас на начало чтения Деяний апостольских, а сам, одевши престол, иду с фонарем в руках домой одевать и себя.

Но до начала полунощницы с ее дивным канонем и такими же ирмосами («Волною морскою») в моем распоряжении остается еще ровно 2 часа. Сажусь и читаю Деяния апостольские на русском языке.

Служба идет благообразно и по чину, и обыкновенно, как всегда это было и бывает. Словом, на этом кончаю, так сказать, постную Триодь, а цветную вы и сами хорошо помните.

Слово Иоанна Златоуста произнес на украинском языке. Мирянам моим оно очень понравилось.

Окончилась пасхальная служба очень рано. Во время причастного на дворе было еще темно, освящение «пасок» происходило при еле-еле брезжущем свете на востоке. Какая это чудная картина освящения пасох в такое раннее время. Мне больше всего нравятся в этой картине радостные лица людей и «урочистий настрій в их очах». Если добавить к этому тихую, свежую и ясную погоду, дающую возможность свеческая изливать свой кроткий свет, то лучшего удовольствия не получишь даже при созерцании Млечного пути в ясные зимние ночи.